

Глава 18. Разорвать узы. Надеюсь, мы еще встретимся

Тан Лофань так и не смог разблокировать телефон своего одноклассника Линя. На экране то и дело вспыхивали уведомления от «матери» пострадавшего, но у юноши не было никакой возможности связаться с ней и сообщить, что сын попал в больницу.

Вдобавок его собственный мобильный буквально разрывался от непрекращающегося жужжания. Это старший и второй братья по очереди обрывали ему трубку, забрасывая сообщениями и требуя немедленно явиться на банкет с семьей Хэ.

Тан Лофань места себе не находил от тревоги. В конце концов, решившись, он зажмурился и торопливо набрал номер второго брата несколько сообщений:

[Брат, у меня тут форс-мажор, приехать никак не смогу.]

[Передай отцу и старшим из семьи Хэ мои самые искренние извинения.]

[И... передай им, что я согласен на помолвку.]

Нажав кнопку «Отправить», Лофань живо представил, в какое бешенство придут отец с братьями, прочитав его слова, и как они захотят всыпать ему по первое число.

Но бросить на произвол судьбы Линь Хэ и его помощника, пока те находились в реанимации, он просто не мог.

Юноша вновь и вновь прокручивал в голове жуткие мгновения аварии. Неуправляемый грузовик несся прямо на него, но Линь Хэ резко вывернул руль, приняв весь удар на себя. Только благодаря этому Лофань отделался легким испугом. Сам он не получил ни царапины, в то время как спасший его человек и его ассистент теперь находились между жизнью и смертью.

В глубине души Лофань уже не сомневался: этот безумный маневр был совершен с единственной целью — спасти его. А ведь протаранить многотонную фуру на полной скорости требовало колоссального, почти безумного мужества.

Экран телефона снова вспыхнул — на этот раз звонил старший брат.

«Ладно, пускай, — Лофань обреченно вздохнул. — В крайнем случае получу дома хорошую взбучку. Как-нибудь переживу».

С этими мыслями он решительно нажал на кнопку выключения и затушил экран.

Через полчаса тяжелые двери операционной наконец распахнулись. Врачи выкатили две каталки. У Лофаня екнуло сердце. Он бросился навстречу:

— Доктор, как они? Как они себя чувствуют?

Договорив, он заметил Линь Хэ, который полулежал на каталке. Его голова была плотно перемотана белоснежным бинтом. Но самое главное — его глаза были открыты.

Взгляд оставался прежним: глубоким, темным, пронизанным привычным высокомерием и холодной отстраненностью. Всё тот же неприступный одноклассник Линь.

Накатившая волна облегчения едва не затопила Лофаня. Ухватившись за край каталки, он зашагал рядом, засыпая раненого вопросами:

— Очнулся?! Как ты? Доктор, с ним всё в порядке? Ничего серьезного не повредил?

Юноша так и лучился беспокойной энергией, на нем самом не было ни единой царапины.

Хэ Хуай покосился на него и недовольно поморщился, словно от головной боли, явно утомленный этим шумом.

Приняв Лофаня за близкого родственника, врач заглянул в медицинскую карту и ободряюще улыбнулся:

— Не переживайте. Обоим повезло отделаться легким испугом: у них сильное сотрясение мозга, оттого и потеряли сознание. Серьезных внутренних повреждений или переломов нет.

— Однако у этого пациента, — доктор указал на Хэ Хуая, — имеется рваная рана с левой стороны головы. Мы наложили швы. В ближайшие дни нужно тщательно ухаживать за повязкой и беречь рану от инфекций.

— Из-за сотрясения сегодня к вечеру у них могут начаться приступы тошноты, головокружения и сильная сонливость. Во избежание осложнений им придется провести эту ночь под нашим наблюдением. Утром проведем повторный осмотр и решим вопрос с выпиской.

Затем врач кивнул Лофаню:

— Вы ведь родственник? Пройдите к стойке регистрации, нужно оформить документы на госпитализацию.

— Да, конечно, — кивнул Лофань, собираясь последовать за доктором.

Но не успел он сделать и шага, как его перебил резкий голос с каталки:

— Не нужно.

Одноклассник Линь приподнялся, глядя на Лофаня холодным, колючим взглядом:

— Тебе не обязательно этим заниматься.

Затем он сухо бросил врачу:

— Скоро приедут мои люди и всё оформят. Пусть этот молодой человек уходит.

В его тоне сквозила прежняя ледяная отстраненность. И это после того, как он едва не распрощался с жизнью, спасая его!

Лофань нахмурился. В его глазах вспыхнуло непонимание, смешанное с глухим раздражением. На кого этот упрямец пытается напустить напускное безразличие?

Доктор переводил растерянный взгляд с одного на другого, не понимая, в каких отношениях состоят эти двое. В конце концов он кашлянул:

— Ну... хорошо. Пациентам необходим абсолютный покой. Ближайшие часы будут критическими, кто-то должен присматривать за ними. Вы сможете остаться?

— Смогу, — твердо ответил Лофань.

Он упрямо положил ладонь на широкое плечо Хэ Хуая. В его голосе не допускалось возражений:

— Я останусь и позабочусь о них.

Хэ Хуай недовольно поморщился, явно не желая лишних хлопот, но, встретив непреклонный и разгневанный взгляд Лофаня, лишь едва заметно поджал губы, сдаваясь.

Отель Цзинфухуаюань

Возле дверей роскошного банкетного зала выстроилась шеренга телохранителей и помощников в строгих костюмах. Официанты бесшумными, выверенными движениями вносили

внутри изысканные блюда, аккуратно расставляя их на длинном столе, покрытом белоснежной скатертью.

С одной стороны стола сидели Тан Цюфу, его старший сын Тан Чэньи и средний — Тан Цзюньэр.

Напротив расположились Линь Юйцин и двое старейшин семейства Хэ.

Все присутствующие блистали в великолепно скроенных вечерних костюмах и платьях. Безупречные манеры, неспешные вежливые беседы и величественная осанка выдавали в них представителей высшего общества. Присутствующие понимали: эта встреча — не просто семейный ужин, а важнейшее событие, фактически предваряющее помолвку двух могущественных кланов.

Однако за показным блеском и роскошью скрывалось невыносимое, густое напряжение. Виной тому было отсутствие главных виновников торжества. Ни Тан Лофань, ни Хэ Хуай до сих пор так и не соизволили явиться на собственное сватовство.

Шестеро оставшихся то и дело обменивались растерянными взглядами. Натянутые вежливые улыбки держались на их лицах так долго, что у всех уже сводило челюсти.

Линь Юйцин изящным движением ухоженных пальцев заправила за ухо выбившийся локон. На ее благородном лице отразилась мягкая, исполненная сожаления улыбка:

— Председатель Тан, какое досадное совпадение. В компании Хэ Хуая стряслось чрезвычайное происшествие, требующее его личного присутствия. Мальчику пришлось срочно уехать. Мне невыразимо жаль, что он пропустил этот вечер. Сын передал, что как только уладит все дела, непременно приедет к вам лично и принесет глубочайшие извинения.

Несмотря на зрелый возраст, госпожа Хэ выглядела потрясающе. Время не коснулось ее красоты, лишь добавило взгляду мудрости, а манерам — той утонченной небрежности, что отличает истинных хозяек светских салонов.

Тан Цюфу, чье лицо уже буквально каменело от фальшивой вежливости, издал солидный смешок:

— Что вы, госпожа Хэ, не стоит беспокоиться! Мой сорванец тоже хорош — прислал сообщение, что застрял по каким-то неотложным делам. Вот вернется домой, я самолично приведу его к вам с повинной головой.

Взаимные уступки помогли слегка разрядить обстановку.

Линь Юйцин взяла со стола бутылку выдержанного вина и с безупречной грацией наполнила

два бокала. Один она протянула главе семейства Тан, второй оставила себе. Приподняв рубиновую жидкость к свету, она произнесла с мягкой полуулыбкой:

— В конце концов, инициатором этого ужина была я, так что вина за этот сумбур лежит на нашей семье. Позвольте мне выпить за ваше здоровье и загладить нашу неловкость.

— Ну что вы, помилуйте!

Тан Цюфу поспешно поднялся со своего места и принял бокал обеими руками:

— Вы слишком строги к себе, госпожа Хэ.

Каким бы жестким и непреклонным дельцом он ни был на бирже, перед лицом столь изысканных извинений от такой женщины он не мог устоять. Осушив бокал до дна, он тепло улыбнулся.

Затем Тан Цюфу сам наполнил бокалы и с почтением преподнес один госпоже Хэ:

— Мой Лофань тоже проявил непростительную беспечность, не явившись сегодня. Так что мы квиты. Примите и мои извинения, дорогая госпожа Хэ.

С этими словами он снова опрокинул в себя хмельную влагу.

Будучи умудренной светской львицей, Линь Юйцин оценила столь широкий и искренний жест. В знак уважения она изящно перехватила тонкую ножку бокала, слегка запрокинула голову и осушила его до капли.

Стоило хмелю ударить в кровь, как висевшая в воздухе натянутость мгновенно испарилась.

Промокнув губы шелковой салфеткой, Линь Юйцин рассмеялась:

— Всегда знала вас как человека исключительной деловой хватки, председатель Тан, но и подумать не могла, что вы столь приятный и щедрый собеседник! Если наши семьи действительно породнятся, для моего Хэ Хуая это станет величайшей удачей в жизни.

Тан Цюфу скромно замахал руками:

— Ну что вы, госпожа Хэ, это вы преувеличиваете! Я не раз слышал о вашем сыне — невероятно способный, ответственный молодой человек. Настоящая опора. Это нашему оболтусу Лофаню несказанно повезет оказаться рядом с ним.

Линь Юйцин расплылась в довольной улыбке:

— Раз мы сошлись во мнениях, то можно считать дело решенным! Ну что, дорогой сват, по маленькой за будущий союз?

— С удовольствием, давайте! — с готовностью отозвался Тан Цюфу.

И они выпили еще по одной.

Переведя затуманившийся взгляд на сыновей Тан Цюфу — Чэньи и Цзюньэра, Линь Юйцин вздохнула с легкой грустью:

— У меня ведь только один сын. Всю жизнь один, ни братьев, ни сестер, опереться не на кого. А у вас такое богатство! Трое сыновей, и все как на подбор — статные, умные, успешные. Как же я вам завидую!

Тан Цюфу хмельно махнул рукой, пренебрежительно цыкнув:

— Да бросьте вы! Толку-то, что их трое? Собери их способности вместе — и половины таланта вашего Хэ Хуая не выйдет. Но теперь-то чего делить? Скоро станем одной семьей, а значит, они будут друг другу названными братьями!

— Ох, у меня прямо от сердца отлегло, — всплеснула руками Линь Юйцин. — Будет кому поддержать моего мальчика в трудную минуту.

— Именно! За нашу общую семью! Давайте за это и выпьем!

Разумеется, за этим тостом последовал очередной раунд.

Тан Чэньи с беспокойством смотрел на хмелеющего отца. Попытавшись мягко забрать у него бокал, он негромко предложил:

— Отец, давай я выпью за тебя. Тебе уже достаточно.

Тан Цюфу недовольно оттолкнул его руку:

— Глупости не говори! Госпожа Хэ пьет со мной на равных, а ты вздумал меня подменять? Не позорь меня перед будущей родственницей!

Сопровождающие госпожи Хэ тоже заволновались, шепча ей на ухо:

— Госпожа Хэ, вы уже бледнеете, алкоголя на сегодня точно хватит.

Линь Юйцин лишь гневно сверкнула глазами:

— Цыц! У меня сегодня праздник, мы с будущим сватом празднуем великое дело! Не смейте портить мне настроение, лучше сами налейте и пейте!

В итоге оба родителя, поймав одну волну, принялись опрокидывать рюмку за рюмкой. Прошло еще около получаса.

И тут почтенную госпожу окончательно развезло.

Линь Юйцин, растрепанная и в хлам пьяная, уронила голову на стол и, размазывая слезы по лицу, принялась крушить посуду:

— Дорогой мой сват!.. Да знаешь ли ты, каково мне пришлось?! Одной растить Хэ Хуая в этом змеином логове семейства Хэ! Этот мой покойный муженек... чтоб ему на том свете икалось! Откинул копыта, блядь, и свалил! А каково мне пришлось все эти годы — его волновало?!

Прежняя утонченная аристократка исчезла без следа. Волосы выбились из прически, на брендовом платье расплылись винные пятна, дорогая косметика потекла от слез. Линь Юйцин рыдала в голос, размахисто швыряя на пол бокалы, тарелки и соусницы — всё, до чего дотягивались ее длинные пальцы.

Перепуганные родственники Хэ пытались удержать буйную даму, без конца кланяясь хозяевам приема:

— Простите, ради всего святого! Наша госпожа совершенно не умеет пить, это какой-то кошмар... Просим прощения за это зрелище!

Впрочем, Тан Чэньи и Тан Цзюньэру было глубоко наплевать на чужие бесчинства. Их собственный отец устроил шоу ничуть не хуже.

Всегда суровый и грозный председатель Тан рыдал навзрыд, словно брошенная школьница. Он колотил кулаками по столу, завывая на весь зал:

— Твой хотя бы помер, пускай земля ему будет пухом! А меня... меня родная жена бросила! Брякнула свое: «Нам не по пути!» — и свалила, сука, оставив меня одного с тремя пацанами! Все эти годы я один, старый хрен, корячился, на ноги их поднимал! Мне что, блядь, легко было?!

Чэньи и Цзюньэр в четыре руки пытались утихомирить разбушевавшегося родителя, натянуто

улыбаясь гостям:

— Не обращайтесь внимания, у отца всегда так — стоит перебрать, и из него так и хлещут слезы. Извините нас!

Поняв, что вечер окончательно испорчен, обе стороны попытались растащить своих зачинщиков по машинам.

Но не тут-то было. Хмельные родственные души, нашедшие друг друга в море страданий, наотрез отказались расставаться. Вырвавшись из цепких рук сыновей и помощников, они придвинули стулья вплотную, обнялись и принялись глушить алкоголь прямо из горлышка, горланя песни и окончательно превращая роскошный зал в филиал привокзального кабака.

Заглянувшие в комнату официанты застыли на пороге с подносами в руках. Их лица выражали крайнюю степень шока и благоговейного трепета перед поведением сильных мира сего.

Центральная городская больница

В это время в больнице у палаты Линь Хэ появилось несколько крепких мужчин в деловых костюмах — личные помощники и охрана. Они молниеносно уладили все бюрократические вопросы с регистратурой и перевели больного в охраняемое VIP-крыло.

Поначалу появление постороннего юноши вызвало у них подозрение, и они попытались преградить Лофаню путь в палату. Однако, поймав едва заметный кивок своего босса, телохранители тут же расступились, пропуская Лофаня внутрь.

Апартаменты класса люкс оказались огромными: помимо просторной гостиной-палаты, здесь была предусмотрена отдельная спальня для сопровождающих лиц.

Однако Лофань даже не подумал прилечь. Скрестив руки на груди, он стоял у широкого окна и неотрывно наблюдал за Хэ Хуаем. Тот то проваливался в тяжелое забытие, то морщился от накаывающих волн боли в раненой голове.

В редкие минуты прояснения сознания мужчина подзывал к себе ассистента и вполголоса отдавал четкие, отрывистые распоряжения. Лица его подчиненных оставались напряженными, а голоса звучали так тихо, что разобрать слова было невозможно. Было очевидно, что обсуждаются сугубо конфиденциальные и важные дела компании.

Лофань тактично держался в стороне, не пытаясь подслушивать чужие секреты. Казалось бы, у раненого теперь была надежная свита, и Лофань мог со спокойной совестью уйти. Но какая-то неведомая сила удерживала его на месте.

Пожалуй, ему просто хотелось спросить: зачем Линь Хэ спас его? Или же его мучило смутное чувство вины перед человеком, который пострадал по его вине, и он подсознательно искал способ загладить этот долг. А может, дело было в невыносимом любопытстве — почему этот мужчина с таким упорством отталкивает его, прячась за маской ледяного равнодушия?

Глубокой ночью основное освещение в палате погасили, оставив лишь ночник в углу, бросавший на стены мягкие золотистые тени.

Один из дежуривших телохранителей подошел к Лофаню и шепнул:

— Господин, уже очень поздно, мы сами за всем присмотрим. Вам лучше поехать домой и отдохнуть.

Лофань бросил взгляд на спящего Хэ Хуая и тихо возразил:

— Твой босс не просил меня уходить, верно?

Охранник замялся, не зная, что ответить:

— Но... на дворе глубокая ночь, где же вы будете спать?

Вместо ответа Лофань придвинул к кровати низкое мягкое кресло, устроился в нем поудобнее и, положив голову на край матраса, сонно пробормотал:

— Всё в порядке, я посплю прямо здесь.

У телохранителя от удивления брови поползли вверх.

Президент Хэ всегда отличался крайней брезгливостью и ледяным нравом — он и на пушечный выстрел не подпускал к себе посторонних. Пока личность этого юноши оставалась загадкой, охрана ни за что не позволила бы ему находиться так близко к спящему боссу.

Но едва дежурный набрал в грудь воздуха, чтобы подтверже выставить упряма за дверь, как заметил, что веки Хэ Хуая дрогнули. Обычно суровый, колющий взгляд президента, устремленный на свернувшегося клубочком юношу, внезапно потеплел. В нем не было и следа ярости — лишь бесконечное, непривычное для него терпение и затаенная нежность.

У амбала-охранника челюсть со стуком отвисла. Их грозный босс... позволил кому-то спать прямо у своей постели?!

Шок сменился диким восторгом. Вновь посмотрев на Лофаня, этот двухметровый шкаф

расплылся в такой понимающей, мечтательной ухмылке, какой позавидовала бы любая сваха.

Когда напарник пришел сменить его на посту, дежурный поспешно прижал палец к губам: «Тш-ш!» — и заговорщически указал на дремлющего у кровати паренька. На его лице сияла хитрая улыбка.

Второй бодигард вытаращил глаза и беззвучно выдохнул одними губами: «Охренеть!»

Через секунду и этот громила расплылся в предвкушении сочных сплетен.

Слухи в ординаторской поползли со скоростью лесного пожара. Сперва охрана тихо перешептывалась:

— Слышь, а кто этот парень, что приехал с шефом?

— Думаешь, безопасно оставлять его тут?

— Офигеть, президент Хэ пустил его в свою палату!

Но уже к рассвету версии обросли фантастическими подробностями:

— Мать моя женщина, они реально спят в одной постели!

— Да ладно тебе, шеф тоже человек, ему ласка нужна.

— Погоди, а как же помолвка с семейством Тан?

— Тихо ты! Рот на замок. Не дай бог госпожа Хэ или эти из семьи Тан пронюхают про тайного любовника шефа!

Так, сам того не подозревая, спящий Хэ Хуай обзавелся «тайным любовником», а ничего не подозревающий Лофань волею судеб стал «содержанцем» при грозном покровителе.

Рассвет

Первые робкие лучи утреннего солнца пробились сквозь плотные шторы, наполняя полумрак палаты мягким светом. На постели Хэ Хуай медленно открыл глаза. Первое, что он увидел, опустив взгляд, был спящий у его ног Лофань.

Юноша лежал лицом к нему: ресницы мелко подрагивали, губы были слегка приоткрыты, а хрупкие плечи мерно вздымались в такт дыханию. Он спал так беззащитно и доверчиво. Казался таким... послушным.

Голова Лофаня покоилась почти посередине матраса. Достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться теплой, сонной щеки. Пальцы Хэ Хуая непроизвольно дрогнули, но он сдержал порыв, сжав ладонь в кулак.

Заметив движение, дежурный охранник тут же подскочил к кровати:

— Господин Хэ, вы очнулись? Как себя чувствуете?

Хэ Хуай недовольно свел брови к переносице и бросил на него ледяной взгляд, безмолвно приказывая заткнуться.

Однако шорох все же разбудил Лофаня. Тот негромко зевнул и потянулся, сонный и взъерошенный. Юноша захлопал ресницами, пытаясь сообразить, где находится. Взгляд его упал на плотную повязку на голове Линь Хэ, и вчерашние события вихрем пронеслись в его памяти.

Сонливость как рукой сняло. Глаза Лофаня радостно блеснули, он подался вперед и затараторил:

— Одноклассник Линь, ты пришел в себя! Как ты? Голова не раскалывается? Тошнит? Кружится? Давай я позову дежурного врача, пусть осмотрит тебя!

— Не нужно, — глухо отозвался Хэ Хуай.

Его голос звучал хрипло и тихо:

— Слишком много шума.

— Ой, прости, — Лофань тут же послушно поумерил пыл.

Он перешел на заговорщический полусшепот:

— У тебя совсем пересохло в горле. Давай я принесу воды.

С этими словами Лофань уперся ладонями в край кровати и попытался подняться, чтобы дойти до кулера.

Но затея провалилась. Из-за того, что он просидел всю ночь в неудобной позе, его ноги затекли до полной потери чувствительности. Стоило ему выпрямиться, как колени предательски подогнулись, и он мешком рухнул прямо на постель.

— Ой! — вскрикнул Лофань, теряя равновесие.

Его тело плашмя повалилось прямо на бедра Хэ Хуая. Причем приземление пришлось на самое деликатное и неподходящее для этого место.

Всё произошло в долю секунды. Хэ Хуай ошарашенно наблюдал, как юноша валится прямо на него, накрывая своим весом его пах. От неожиданного давления из его груди вырвался глухой стон. Мужчина инстинктивно напряг пресс и потянулся руками, чтобы оттолкнуть Лофаня, но резкое движение отозвалось невыносимой болью в висках и тошнотой.

— Кхм! — сдавленно промычал Хэ Хуай, вынужденный бессильно откинуться на подушки и зажмуриться от боли.

— О господи, прости! Прости, я не хотел! — испуганно запричитал Лофань, густо заливаясь краской от смущения.

Ситуация хуже не придумаешь. Он и представить не мог, что ноги немеют до такой степени. Пытаясь как можно скорее убраться с пострадавшего, он судорожно заерзал, пытаясь нащупать опору. Но непослушные конечности отказывались держать вес. Лофаню пришлось опереться руками на рельефный торс Хэ Хуая — одна его ладонь случайно прижалась к крепкому прессу, а вторая соскользнула на внутреннюю сторону бедра...

Хэ Хуай шумно выдохнул сквозь зубы, его глаза потемнели от гнева и смущения. Он вперил в юношу свирепый взгляд.

— Да честное слово, я не специально! — взмолился Лофань, виновато улыбаясь. — Ноги совсем как ватные, не слушаются...

— Руки... убрал! — процедил сквозь зубы мужчина, его голос вибрировал от сдерживаемого напряжения.

— Ой, — Лофань наконец сообразил, куда упираются его ладони. — Прости, убираю.

Он торопливо отдернул руки.

Но увы!

Развеселившаяся за ночь стража увидела в этом пикантную картину. Со стороны эта возня

выглядела так, будто один мужчина безропотно лежит в постели, позволяя другому неторопливо ощупывать и ласкать себя ранним утром.

«О-о-о, утренние нежности... Понимаю, дело молодое».

Телохранитель, затаив дыхание наблюдавший за сценой, деликатно отвернулся, пряча победную улыбку. Проявив чудеса такта, он бесшумно выскользнул за дверь, оставив господ наедине.

Кое-как усевшись обратно в кресло, Лофань неловко кашлянул, пытаясь развеять неловкое молчание:

— Слушай, ну правда ведь случайно вышло. Я тебя не сильно придавил? Рана не открылась?

Он подпер щеку рукой и с вежливым любопытством заглянул в угрюмое лицо Хэ Хуая, весело поддразнивая:

— Но должен признать, даже через одеяло чувствуется, какой у тебя стальной пресс. Часто пропадаешь в спортзале? Очень круто!

— Замолчи, — Хэ Хуай слегка подогнул колени, пытаясь унять предательский жар внизу живота.

Глупо было отрицать: этот невыносимый мальчишка был чертовски хорош собой. Безупречно светлая кожа, пухлые розоватые губы, чистый, сияющий взгляд, в котором вечно плясали озорные чертики. Тонкий, изящный силуэт, лишенный хрупкости, но полный юношеской грации и неумной энергии. Каждый раз, общаясь с ним, Хэ Хуай ловил себя на мысли, что рядом с этим несносным созданием мир кажется удивительно легким и понятным.

Словно в его серую, расписанную по часам рутину ворвалась живая, яркая мелодия, заставив потянуться к ней вопреки здравому смыслу. Именно поэтому вчера, заведя несущийся на Лофаня грузовик, он ни секунды не раздумывал. Он просто не мог допустить, чтобы этот парень пострадал. Не мог позволить ему исчезнуть.

Даже если ценой его спасения будет его собственная жизнь.

«Я просто не могу его потерять».

Эта мысль яркой вспышкой прорезала туман в его голове.

В это мгновение Хэ Хуай с кристальной ясностью осознал то, чего так долго боялся признать. Сладкая, неизведанная судорога отозвалась в каждом нерве, заставив измученное сердце

забиться в бешеном, рваном ритме.

Он всегда был хладнокровен. За долгие годы десятки красивых мужчин и женщин пытались подобраться к нему, пуская в ход все уловки мира, но получали лишь ледяной от ворот поворот. Но сейчас... дикое, незнакомое чувство взломало его глухую оборону, оплетая разум ядовитыми побегами страсти, сокрушая остатки хваленного самоконтроля.

Его бросило в жар, дыхание перехватило.

Лофань же, заметив, как потемнело лицо мужчины, решил, что тот всё еще злится из-за нелепого падения. С прежней беззаботной дерзостью он хмыкнул:

— Ну не хмурься ты так. Хочешь, в качестве компенсации можешь потрогать меня в ответ?

«Потрогать в ответ?»

Место на бедрах, куда только что упирались ладони Лофаня, до сих пор горело, точно присыпанное порохом. Внутри Хэ Хуая разгорался медленный, удушливый пожар.

С трудом заставив себя сесть ровнее, он отвел взгляд в сторону и холодно отчеканил:

— Твоя помощь больше не требуется. Уходи.

— Да что ж ты за человек такой? Опять за свое, — вздохнул Лофань. — Ну и характер у тебя — бука и злюка в одном флаконе. Но вчера ты спас мне жизнь. И как бы сильно ты меня ни презирал, я обязан отблагодарить тебя.

— Спас тебя? — Хэ Хуай издал короткий, скептический смешок. Признавать свою уязвимость перед этим мальчишкой он не собирался. Ему претила сама мысль открыть свои истинные чувства.

Он добавил:

— Не обольщайся. Тот грузовик ехал целенаправленно по мою душу. Ты просто оказался не в то время и не в том месте.

— Что? — Лофань изумленно округлил глаза. — У тебя есть враги? Тебя пытались убить?

— Обычные будни, — небрежно бросил Хэ Хуай, хотя в глубине его глаз на миг промелькнула опасная, ледяная сталь.

«Обычные будни?» Лицо Лофаня мгновенно посерьезнело.

— И всё же я уцелел только потому, что ты направил свою машину наперерез той фуре. Так что спорить глупо — я твой должник. В качестве благодарности я...

Юноша на мгновение задумался, а затем серьезно добавил:

—...приготовил для тебя один очень приятный сюрприз. Но сначала скажи мне свое настоящее имя, ладно?

Лофань подозревал, что его спаситель ввязался в какую-то грязную и опасную историю. Если тот откроет свое имя, он в ответ признается, что он — Тан Лофань. Род Тан обладал колоссальным влиянием в городе S, и его статус третьего молодого господина мог бы сильно облегчить Линь Хэ жизнь.

Однако Хэ Хуай мгновенно подобрался, во взгляде мелькнуло недоверие:

— С чего ты взял, что Линь Хэ — вымышленное имя?

«Проще простого». Лофань уже наводил справки. В городе S среди влиятельных господ не было никого с именем Линь Хэ.

Юноша обиженно надул губы:

— Ну вот, опять ты темнишь. Неужели мы до сих пор не заслужили право называться друзьями?

Хэ Хуай тяжело вздохнул, его взгляд стал непроницаемым:

— Мы никогда не станем друзьями. Общение со мной принесет тебе одни проблемы. И в будущем...

Он замолчал, собираясь с силами, после чего отрезал:

—...я больше не появлюсь в твоей студии. Прощай.

Мужчина прекрасно понимал, к чему ведут его внезапные чувства. Впереди его ждал политический брак с семьей Тан, и он не имел права на безрассудство. Эту глупую, опасную привязанность нужно было выжечь каленым железом, пока она окончательно не лишила его разума.

В этот момент в дверь палаты нетерпеливо постучали. Охранник просунул голову в щель и взволнованно зашептал:

— Господин Хэ, ваша матушка приехала! Она уже поднимается на этаж. Что нам делать?

Хэ Хуай резко повернулся к Лофаню, его лицо исказилось от напряжения:

— Быстро уходи отсюда! Если не хочешь крупных неприятностей, она не должна застать тебя здесь!

И рявкнул подчиненному:

— Выведи его через черный ход! Живо!

— Слушаюсь!

Поняв серьезность ситуации без лишних слов, телохранитель шагнул к Лофаню:

— Господин, прошу вас, поспешим. Времени в обрез.

Лофань по их паническим лицам понял, что дело действительно принимает скверный оборот. Похоже, встреча с матерью Линь Хэ сулила огромные хлопоты.

Но...

Он посмотрел на бледного мужчину на постели и с глубоким убеждением произнес:

— Знаю, ты просто пытаешься меня защитить. Но поверь, у меня достаточно сил, чтобы помочь тебе справиться с любыми трудностями. К тому же я терпеть не могу оставаться в долгу, тем более в таком неоплатном. И я не позволю нашей истории закончиться вот так — глупо и оборванно.

— Одноклассник Линь, я буду ждать тебя в «Илань». И искренне верю... что мы еще встретимся.